

Вопросы ЭКОНОМИКИ

В НОМЕРЕ :

**Российская экономическая школа
в контексте мировой экономической мысли**

**Чего не знал А. Маршалл:
вклад XX столетия в экономическую науку**

**Институты рынка
в переходной экономике**

2

2 0 0 1

*Д. СОРОКИН,
доктор экономических наук,
зам. директора ИЭ РАН,
руководитель Центра политико-
экономических исследований ИЭ РАН*

**РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ:
ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ТРАДИЦИИ***

Официальная история российской политической экономики берет начало в первом году XIX столетия, когда приглашенный в Московский

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (грант № 00-02-00151а).

университет немецкий профессор Христиан-Август Шлецер прочел курс политической экономии. В 1803 г. по Указу Александра I политическая экономия была включена в регламент Российской академии наук (в соответствии с которым в следующем году был избран действительным членом Академии наук по разряду политической экономии А. Шторх). В 1805–1806 гг. был издан первый в России учебник по политической экономии на русском языке¹. Закончилась же она в последнем году XX века решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования России, исключившим политическую экономию из перечня экономических специальностей. Место политической экономии в упомянутом перечне заняла некая безликая экономическая теория.

Кстати, история экономической мысли также исчезла из перечня специальностей по отраслям экономических знаний (как и история народного хозяйства). Осталась одна экономическая теория, на принадлежность к которой, однако, если руководствоваться перечнем ВАК, не смеют претендовать проблемы финансов, денежного обращения, отраслевые экономические науки.

Дело, конечно, не в решении ВАК, каким бы абсурдным оно ни казалось. В конечном счете это решение лишь отразило сложившуюся реальность, когда преподавание политической экономии в вузах за прошедшее десятилетие было свернуто (курс политической экономии не упоминается в государственных образовательных стандартах даже для студентов экономических специальностей). Осталась кафедра политической экономии на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова (а Михайло Васильевич не был чужд политико-экономических размышлений о путях и способах приращения национального богатства российского государства²), где, как уже упоминалось, два века назад был прочитан первый в России курс политической экономии. Но можно ли назвать в полном смысле слова политической экономией курс, который там читается сегодня? Остался Центр политико-экономических исследований в Институте экономики Российской академии наук.

Таким образом, на первый план выходит следующий вопрос: имеется ли в научном сообществе, занятом приращением экономических знаний, потребность в политической экономии? Или, иначе говоря, существует ли тот предмет (объект) исследования, который может быть познан исключительно в рамках политико-экономического знания?

Если под фундаментальной наукой понимать процесс познания объективных связей и процессов в живой и неживой природе, тогда политическая экономия может лишиться статуса отрасли научных знаний, но только в том случае, если будет доказано, что изучаемые ею связи и процессы не существуют или что они для своего познания требуют иного научного инструментария, чем тот, которым располагает политическая экономия. Такое в истории науки

¹ Шлецер Х. Начальные основания государственного хозяйства или Науки о народном богатстве. М., 1805–1806.

² Перу М. Ломоносова принадлежат "Письмо о Северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном" (1755 г.) и "Краткое описание разных путешествий по северным морям и показании возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию" (1763 г.).

бывало, и политическая экономия не может считаться навсегда застрахованной от подобного развития событий³.

Наверное, никто не будет возражать против определения общественного хозяйства как большой целостной органической системы. Но коль скоро принимается такое определение, то принимается и положение о том, что характер связей между элементами общественного хозяйства, протекающие в нем процессы, его динамика подчиняются неким зависимостям, которые неподвластны желаниям и действиям людей, находящихся в этой системе. Более того, такая система обладает интегративными свойствами, которыми не обладает ни один из ее элементов и которые не могут быть выведены из простой суммы свойств этих элементов. Наконец, общественное хозяйство является подсистемой общества в целом и, следовательно, закономерности его функционирования обусловлены социокультурными, политическими, природно-географическими, геополитическими и многими другими факторами.

Указанные связи и процессы не могут быть познаны через непосредственное, бытовое знание, их действие модифицируется множеством обстоятельств, затушевывающих их истинный смысл. И поэтому общество может оптимизировать свою экономическую деятельность лишь в меру знания *сущностной стороны экономических явлений и процессов*. Именно недоучет, небрежение или незнание основ современной политической экономии явились причиной провалов экономической политики правительств целого ряда стран (в том числе и России) как в период “реального социализма”, так и в “переходный период”. Отсюда и фиаско советников из влиятельных международных экономических организаций. Напротив, в истории как мировой, так и национальных экономик можно найти немало примеров эффективного развития, базой которого послужили фундаментальные политико-экономические знания.

Политическая экономия как наука выделилась из общей суммы экономических знаний в качестве отрасли, изучающей фундаментальные законы эволюции национальных и мировой экономических систем в неразрывной связи с внеэкономическими факторами жизнедеятельности общества. Именно такой подход характеризовал предмет политической экономии с самого начала ее формирования как самостоятельной отрасли научных знаний. Этот предмет не может исчезнуть до тех пор, пока существует экономическая (хозяйственная) деятельность человеческого сообщества. И вряд ли какая другая, кроме политической экономии, из существующих экономических дисциплин (в том числе и “экономикс”) может претендовать на его всестороннее исследование.

Но приращение политико-экономического, как, впрочем, и любого другого фундаментального знания не дает немедленного практического (прикладного) результата. Поэтому частный капитал не нацелен на “сотрудничество” с наукой в данной сфере. Он начинает ощущать потребность в знании фундаментальных политико-экономических закономерностей, лишь поднявшись до высот современных корпоративных структур – субъектов глобального хозяйства.

³ И тогда может быть следует согласиться с Британской энциклопедией, утверждающей, что в XX в. на смену политической экономии пришла “экономикс”.

Неудивительно, что заказ, формируемый в настоящее время частным российским капиталом в области экономических знаний, носит достаточно узкий прикладной характер, на что соответственно и реагирует сфера образования. Политико-экономическая реальность сегодняшнего российского рынка такова, что фундаментальные научные знания, в том числе политико-экономические, не могут выступать на нем в качестве товара, какие бы “маркетинговые” технологии здесь ни применялись. И с требованиями “отмены” этой ситуации в рамках сложившейся политико-экономической структуры российского общества могут выступать кто угодно, но только не носители политико-экономического знания. Ведь такое требование, по существу, означает требование “отмены” действия именно политико-экономических закономерностей.

Другое дело, что, кроме частного, в любом обществе существует и социальный заказ, субъектом которого выступает государство. И отсутствие государственного заказа на приращение фундаментальных научных знаний (а именно это наблюдается по меньшей мере на протяжении последнего десятилетия) не может быть оправдано ссылками на чрезвычайные обстоятельства и лишь свидетельствует как минимум о непрофессионализме политиков, находящихся у руля государства. Конечно, результаты фундаментальных научных исследований не позволят правительству немедленно решить проблемы технического переоснащения народного хозяйства или избавления от бремени государственного долга. Однако без развития фундаментальной науки эти проблемы не будут разрешены *никогда*, чему есть множество примеров. Так, “мичуринцы” – оппоненты генетиков – обещали накормить народ в ходе ближайшей пятилетки, в том числе аргументируя свой тезис о лженаучности генетики отсутствием немедленных результатов. Чем это кончилось, общеизвестно.

Возвращаясь собственно к фундаментальным политико-экономическим исследованиям, мы видим тот же методологический порок. Вновь власть предпочитает прислушиваться не к тем, кто говорит о необходимости тщательного учета фундаментальных закономерностей трансформации общественного хозяйства, невозможности “перепрыгнуть” через этапы исторического развития (это ведь так скучно и, самое главное, долго, гораздо дольше, чем сроки очередной выборной кампании), а к тем, кто строит очередные планы “революционно-го” переустройства в “кратчайшие” сроки. В таких условиях политико-экономическое знание становится невостребованным уже на государственном уровне, и тогда выглядит абсолютно логичным вычеркивание соответствующего предмета из учебных курсов и “закрывание” соответствующего научного направления.

И если в российской политико-экономической мысли за двести лет сложились некие традиции, то в нынешних условиях должна в полной мере быть востребована прежде всего *высокая гражданская позиция ее представителей*, таких, как А. Богданов, Н. Кондратьев, А. Чаянов и многих других, последовательно отстаивавших свои научные взгляды несмотря на гонения со стороны власть предержащих.

Политическая экономия есть по своей сути наука, формирующая гражданское мировоззрение. Иначе и быть не может, коль скоро она

исследует процесс экономического развития общества как целого. И если практическая экономическая политика пренебрегает фундаментальными политико-экономическими закономерностями, то все ученые-политэкономы, понимающие это, должны всеми доступными средствами добиваться осознания пагубности экономической политики государства. Только в этом случае они выступят продолжателями традиций российских мыслителей.

Рассматривая проблему традиций, специфических черт российской политико-экономической мысли, следует с самого начала определить, что имеется в виду. Ведь политическая экономия как наука не может быть российской, немецкой, американской и т.д. Однако предмет ее исследования, будучи единым с точки зрения его определения, в каждом обществе образует свою особую вселенную, законы движения которой, даже, будучи едиными в своей основе с законами другой подобной вселенной, вместе с тем обладают чрезвычайно специфическим механизмом действия. Именно это отличает одно общество, один народ от другого, порождает специфическую культуру, в том числе и культуру (традиции, обычаи и т.п.) экономической жизни.

Политическая экономия только тогда сможет обеспечить прирост политико-экономического знания, когда предмет ее изучения будет носить конкретно-исторический характер. И в этом смысле можно говорить о политической экономии различных этапов исторического развития России, стран Западной Европы, США, Китая и т.д.

Вместе с тем ученые всегда идентифицируют себя в качестве представителей определенного народа и в этом качестве обладают его чертами, в том числе и специфической ментальностью. *Ментальность не может не сказаться на способах, формах, предпочтениях любой, в том числе и научной, деятельности.* В этом и только в этом смысле можно говорить о национальных традициях любой науки, в том числе политической экономии. Конечно, в каждой науке они проявляются по-разному. При этом в науках об обществе они носят более выраженный характер, что обусловлено самим предметом исследований. Поэтому выявление национальных традиций и особенностей политико-экономической мысли позволит глубже познать специфику данного общества и, следовательно, механизмы его экономической жизни. Подобные исследования должны быть обязательной составной частью политической экономии как науки.

Как нам представляется, можно выделить следующие традиции и черты российской политико-экономической мысли, оказывающие значительное воздействие на направленность и характер исследований (естественно, у разных авторов они могут прослеживаться в неодинаковой степени).

Прежде всего, по-видимому, нужно согласиться с тем, что «специфика русской экономической мысли заключалась в том, что она во многом была, хотя и самобытным, но откликом на процессы, происходившие в европейской науке»⁴. Действительно, хотя, по сути, первый

⁴ История экономических учений. Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. М.: Инфра-М, 2000, с. 330.

русский политико-экономический труд – “Книга о скудости и богатстве” Ивана Посошкова – был завершен в 1724 г., когда классическая английская политическая экономия Адаму Смиту едва исполнился год, однако именно главная работа последнего “Исследование о природе и причинах богатства народов”, написанная более чем полувеком позже и переведенная в 1802–1806 гг. на русский язык по указанию министра финансов графа Васильева, стала первым политико-экономическим произведением, с которым познакомился русский читатель⁵ (знакомство с данной работой, как мы помним из “Евгения Онегина”, было признаком образованности русского дворянина).

Первые курсы лекций по политической экономии в России читали западноевропейские ученые, они же писали и первые российские учебники по политической экономии. Это в значительной степени предопределило вторичность русских политико-экономических исследований по отношению к западноевропейским. Но вряд ли могло быть иначе, ведь Россия начала активные контакты с Западом в период, когда последний ушел далеко вперед в развитии тех форм общественного хозяйства, которые еще только предстояло осваивать россиянам⁶.

На два с лишним века протянулась традиция осмысления западных политико-экономических концепций с позиций их применимости или неприменимости к русской действительности. Ее можно проследить сквозь призму борьбы славянофильства и западничества, народников – с русскими марксистами, ее отражением стали надежды на мировую революцию после октября 1917 г., принятие курса на строительство социализма в одной отдельно взятой стране и, наконец, она проявляется в современных дискуссиях о приемлемости или неприемлемости рекомендаций МВФ по модернизации российской экономики. Соответственно можно сделать вывод, что русская политико-экономическая мысль, с одной стороны, как бы постоянно следует за западной, а с другой – воспринимает ее крайне противоречиво: от восторженного эпигонства до полного неприятия по принципу: “что русскому – здорово, то немцу – смерть”.

Вместе с тем при всем внешнем разнообразии, а зачастую противоположности выводов русских политэкономов можно заметить, что сходились они во многом. Во-первых, надо подчеркнуть, что русская политико-экономическая мысль от своего возникновения до наших дней постоянно ставит в центр своего внимания вопросы глобального переустройства (трансформации) русского общества. Разные направления русской политико-экономической мысли предлагали различные, зачастую взаимоисключающие пути и способы подобного переустройства. Но объединяло участников дискуссий, как правило, признание такой степени несовершенства существующих

⁵ Труд И. Посошкова был издан только в 1842 г.

⁶ “Политическая экономия в России в первой половине XIX века была в значительной мере иностранной наукой, импортируемой с Запада. Это обстоятельство не было случайным. Оно объясняется главным образом зародышевым состоянием капиталистического производства” (Блюмин И. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. М.–Л.: ИЭ АН СССР, 1940, с. 40).

механизмов, что их преодоление было возможно лишь путем не отдельных улучшений, модернизаций, а коренного переустройства.

Во-вторых, еще одна общая черта российских политико-экономических исследований – это повышенное внимание к роли государства в организации экономической жизни общества с акцентом на его определяющем влиянии в сочетании с проблемой примата общественных интересов. Эта традиция восходит к уже упоминавшемуся первому российскому учебнику политической экономии Х. Шлецера, вторая часть которого, называвшаяся “Собственно политическая экономия”, была посвящена анализу экономических функций государства и принципов экономической политики. А в первом учебнике, написанном русским автором на русском языке – директором Департамента финансов, сенатором, обер-прокурором Сената А. Бутовским, проводилась мысль, что политическая экономия “от изучения частных интересов каждого человека отдельного... восходит до совокупного проявления этих интересов, или до интереса общественного”⁷. Позднее А. Чупров, воспитавший несколько поколений русских экономистов⁸, писал о необходимости соединения преимуществ частного предпринимательства и государственного сектора, особенно в тех областях, где это необходимо для общества, но не обеспечивается частным капиталом.

Объяснение этому может быть найдено в истории российского общества, изобилующей перманентными кризисами и угрозами, ставящими под вопрос само его существование. Мобилизующая роль государства, обеспечение примата общественных интересов над индивидуальными и групповыми являлись способом выживания нации, что не могло не сказаться на ее менталитете.

Следующая характерная черта российской экономической мысли, органически связанная с описанной выше, – национальное начало. В России политическая экономия традиционно определяется как наука, раскрывающая закономерности экономической жизни конкретной нации, народа, объединенного государством. Эта традиция прослеживается еще в работе И. Посошкова, которая была направлена на выявление условий укрепления отечественной экономики, обеспечения независимости российского государства от других более развитых стран. Можно отметить, что С. Витте отвергал космополитизм классической школы политической экономии, подчеркивая, что “политическая экономия должна принимать идею национальности за точку отправления и поучать, каким образом данная нация... может сохранять и улучшать свое экономическое положение”⁹.

Отдельное место в российской политико-экономической мысли всегда занимал аграрный вопрос, что было прямо связано с национальными особенностями устройства российского общества, которое по своему характеру было аграрным. Поэтому проблемы сельского

⁷ Бутовский А. Опыт о народном хозяйстве или о началах политической экономии. Т.1. СПб., 1847.

⁸ Курс лекций Чупрова, изданный впервые в 1891 г., переиздавался вплоть до 1918 г., служа общепризнанным учебником по политической экономии (Чупров А. Политическая экономия. Лекции, читанные в 1890–91 гг. М., 1891).

⁹ Витте С. Национальная экономика и Фридрих Лист. М., 1889, с. 35.

хозяйства России всегда рассматривались не как отраслевые, а как политико-экономические, от решения которых зависели судьбы общества и государства. Вряд ли можно проследить единую линию в отношении к этой проблеме у российских политэкономов. Однако тот факт, что и по сегодняшний день по данному вопросу ведутся наиболее жаркие споры, должен послужить предостережением для сторонников так называемых “радикальных” преобразований российской политико-экономической структуры.

Российская политическая экономия всегда обращала особое внимание на воздействие морально-этических основ на организацию экономической жизни общества. Так, Т. Степанов, по существу, выступил против основополагающих идей А. Смита, заявив, что “политическая экономия не терпит эгоизма, но между тем дает полный простор деятельности человека”¹⁰. Этот момент подчеркивается и в учебнике А. Бутовского, критиковавшего А. Смита и Д. Рикардо за забвение нравственных начал¹¹. С. Витте критиковал безжизненный материализм классической политической экономии, видящей повсюду только меновые ценности и не принимающей во внимание ни нравственных, ни политических интересов настоящего и будущего¹². Академик И. Янжул включал фактор честности в число составляющих экономического роста. В последующем эта черта российской политико-экономической мысли выразилась во внимании к моральным стимулам трудовой деятельности.

Традиция включения нравственных аспектов в политико-экономические исследования не “растворилась” у российских ученых и сегодня, она прослеживается в дискуссиях о нравственности принимаемых экономических решений. Практический опыт показывает, что без учета категории нравственности в ее специфически российском народном понимании (“по справедливости”, “по-божески”, “по-людски” и т.п.) никакие экономические преобразования, как бы они ни объяснялись потребностями общественного прогресса, не будут приняты обществом, а, напротив, столкнутся с мощным отторжением¹³.

Отсюда проистекает и такая характерная черта российской политико-экономической мысли, как особое внимание к социальной сфере экономической жизни общества. Еще первый российский академик по разряду политической экономии А. Шторх в своем шеститомном курсе политической экономии, изданном в 1815 г., расширял предмет политической экономии путем включения в него “теории цивилизации”, под которой понимались нематериальные, духовные ценности. Он считал, что создание “нематериального капитала” – укрепление здоровья, развитие способностей человека, расширение досуга, обеспечение безопасности и т.п. – не менее важно, чем создание материальных ценностей; поэтому труд, направленный на формирование “нематериального капитала”, увеличивает богатство нации. Подобная линия находит дальней-

¹⁰ Степанов Т. Записки о политической экономии. СПб., 1844, ч. I, с. СII.

¹¹ Бутовский А. Опыт о народном хозяйстве или о началах политической экономии. Т.1, с. 16.

¹² Витте С. Национальная экономика и Фридрих Лист.

¹³ Своеобразное подтверждение этой черты российского менталитета можно найти у А. Вознесенского в поэме “Оза”: “Все прогрессы реакционны, если рухнет человек”.

шее продолжение в российской политико-экономической литературе¹⁴, в том числе у Н. Чернышевского, полагавшего, что “этот капитал, который можно назвать нравственным, гораздо важнее материального. Этот важнейший национальный капитал есть запас нравственных сил и умственной развитости в народе”¹⁵. К. Бабст, сменивший И. Вернадского на посту заведующего университетской кафедрой политической экономии и статистики, выделял нравственный капитал, заключающийся, по его мнению, “в народной честности, народной предприимчивости и степени трудолюбия, в живом и ревностном участии к общему благу, в привычке не полагаться на внешнюю помощь, не искать себе в силах, лежащих извне, но в самом себе, в привычке к самостоятельности”¹⁶.

Таким образом, можно констатировать, что политико-экономическая мысль России более чем на столетие предвосхитила появление категории “человеческого капитала” и сформулировала основы методологии его исследования. Вследствие этого российская политико-экономическая мысль никогда не сводила эффективность к чисто экономическим количественным показателям.

Мы не претендуем на полноту описания и перечня характерных черт и традиций российской политико-экономической мысли. Но главное, именно в них отражаются своеобразная историческая реальность России, менталитет населяющих ее народов, определяющие политико-экономическую структуру российского общества, а, следовательно, и законы ее развития, познание которых составляет смысл существования отечественной политической экономии. Прежде всего, речь идет о выдвигании на первый план интересов общества в целом, их приоритете над индивидуальными, своекорыстными интересами, приоритете социальных над сугубо экономическими критериями общественного прогресса. Жизнь, историческая практика в полной мере подтвердили научную значимость такого методологического подхода.

Конечно, глобализация экономической жизни требует от политико-экономических исследований все большего внимания к выявлению общих экономических закономерностей развития человеческой цивилизации. Однако ни в коей мере нельзя забывать и о том, что общие закономерности неизбежно модифицируются конкретными историческими национально-государственными условиями. А это означает заведомую бесплодность попыток “прямого” переноса экономических институтов, доказавших свою эффективность в рамках одного национально-государственного образования, в иную национально-государственную среду. Поэтому для российских политэкономов встает задача, с одной стороны, выявления тех факторов, которые определяют характер, структуру и механизмы действия российских экономических институтов, а с другой – разработки теории трансформации сложившихся в России экономических институтов с учетом глобализа-

¹⁴ См.: Степанов Т. Записки о политической экономии; Бутовский А. Опыт о народном хозяйстве или о началах политической экономии. Т. 1; Горлов Н. Начала политической экономии. Т. I. СПб., 1859.

¹⁵ Чернышевский Н. Соч., т. III, с. 506.

¹⁶ Цит. по: Русские экономисты (XIX – начало XX века). Редакторы-составители Л. Зубченко, Л. Зайцева. М.: ИЭ РАН, 1998, с. 63.

ции всех сторон жизни человеческого сообщества. Необходимо понять специфику закономерностей такой трансформации и сформировать социально-экономическую стратегию, обеспечивающую достойное место России в современном меняющемся мире.

Короче говоря, нужна политическая экономия для современной России в современном мире. Именно в этом направлении всегда работала российская политико-экономическая мысль, и научный долг российских политэкономов – продолжать и развивать данные традиции.
